

Печерская Надежда Марковнакандидат псих. наук, АНО ВПО НИИ «Институт политических и медиаметрических исследований»
e-mail: nadeipecherski4@mail.ru**БЕЛЛЕТРИЗАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ:
ДУХОВНОСТЬ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Понятие «духовность» до недавнего времени использовалось в различных трактовках применительно к социальной группе — интеллигенции, либо институту церкви, накопившему для этого богатый опыт религиозного наследия. Следует также признать, что воззвания к духовной нации не только консолидируют людей вокруг общих идей, но и формируют в них здоровое чувство патриотизма.

Изначально духовность, имея в пределах психологии конкретные определения и функции, рассматривается как качество человека, способного к саморазвитию на основе положительных нравственных идеалов, включающих в себя стремление к совершенству, формирование особого отношения к другому человеку как ценности. Нравственные идеалы и в целом образы человека разобраны религиозными, мифологическими, художественными и научными сферами, тогда как национальные традиции, в том числе религиозные, влияют на массовое сознание, порождая не только конструктивную религиозную активность, но и стихийную религиозность или даже фанатизм в различных его проявлениях. Религиозную картину мира РПЦ определяет в аспекте общего блага и через призму нравственного развития личности верующего человека. Исполнение заповедей, как культивируемая цель в религиозной среде, в свою очередь ставит вопрос: «А что делать с нравственным воспитанием атеистов?».

Для объективной оценки подобных социально-психологических явлений показательны результаты историко-психологических исследований последних лет, которые демонстрируют необходимость выстраивания стратегий научно-религиозного взаимодействия в пространстве именно академической науки. С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что основной вектор развития человека лежит не только в направлении физического, физиологического, психического, социального, но и духовно-нравственного развития.

Образовательные технологии воспитания духовности в педагогическом процессе нами структурируются при использовании сетки определений и функций духовности в сочетании с некоторыми формами стратегий научно-религиозного взаимодействия в контексте исторической психологии. Рассматривая беллетристичность, как одну из важнейших форм самовыражения индивида, мы можем проследить, каким образом автор художественного произведения русской литературы творчески самопрезентует себя и свою духовность как качество посредством экзистенциальной интерпретации собственных представлений о библейском персонаже.

Ключевые слова: историческая психология, духовное развитие, виды и функции духовности, воспитание духовности, стратегии научно-религиозного взаимодействия, беллетристичность, библейский персонаж, самовыражение.

Pecherskaya NadezhdaSRI «Institute of Political and Mediametric Studies» («IPMS»)
e-mail: nadeipecherski4@mail.ru**FICTIONALIZATION OF BIBLICAL SCENES:
SPIRITUALITY OR EDUCATIONAL TECHNOLOGIES**

Until recently concept «spirituality» was used in various interpretations in relation to social group — intelligentsia or to the institute of church which has saved for this purpose a lot of religious heritage experience. It is necessary to recognize that appeals to spirituality of the nation not only consolidate people round the general ideas but also form healthy feeling of patriotism.

Definitions and functions of spirituality within psychology originally considered as quality of a person capable to self-development on the basis of positive moral ideals including commitment to excellence, formation of the special relation to other person as to a value. Moral ideals and in a whole images of people are sorted by religious, mythological, artistic and scientific realms whereas national traditions, including religious, effect mass consciousness, generating not only constructive religious activity, but also spontaneous religiousness or even fanaticism in its various manifestations.

The world religious picture of the Russian Orthodox Church examines general welfare through a prism of moral development of the identity of the believer. Such cultivated purpose of religious environmen as fulfillment of the commandments raises a question — «what to do with moral education of atheists?»

True assessment of the similar social and psychological phenomena results in historical and psychological researches of the last years which show the need of forming strategy of scientific and religious interaction in academic science. On the other hand, we couldn't agree that the main vector of development of the person lies not only in the direction of physical, physiological, mental, social, but also spiritual and moral development.

In context of historical psychology, educational technologies of spiritual upbringing in pedagogical process are structured by using a grid of definitions of spiritual functions in combination with some forms of strategy of scientific and religious interaction. Considering a fictionalization as one of the most important form of self-expression of the individual, we can see how Russian literature author artistically self-presenting himself and his spirituality as a quality by means of existential interpretation of his own ideas of the bible character.

Keywords: historical psychology, spiritual development, types and functions of spirituality, education of spirituality, strategy of scientific and religious interaction, Fictionalization, bible character, self-expression.

Темы духовности, душевности, человечности по-прежнему возвращают нас к вечной проблеме кризиса сознания. Все яснее звучат опасения моральной и нравственной деградации личности в силу перегруженности информационного пространства криминальной хроникой. СМИ, объединяя телезрителей в толпу, стирает границы их индивидуальной идентичности, притупляя способность критической оценки.

Объемы и потоки информации в пределах массмедиа культуры формируют в сознании устойчивую сетку негативных стереотипов и предубеждений, с последующей общей картиной мира. Религиозную картину мира РПЦ определяет в аспекте общего блага и через призму нравственного развития личности верующего человека [23].

Основной вектор развития человека лежит не только в направлении физического, физиологического, психического, социального, но и духовно-нравственного развития (см. Схема 1), [24].

Схема 1. Виды развития человека.

Среди мотивов использования религиозного материала наукой можно назвать: критику, объективистское светское изучение, заимствование ценностей и приемов христианства для построения анеригиозных или неконфессиональных ценностных систем, христианизацию науки.

Совмещение некоторых стратегий позволит нам увидеть перспективу образовательной технологии, направленной на качественное воспитание духовности.

Неконфессиональные дубликаты религиозного сознания в форме «духовности», «идеалистической парадигмы», «жизненной психологии» в отечественной и зарубежной психологии представлены трактовками духовности в пределах культурно-исторического и культурно-антропологического подходов (Таблица 1), [2].

Таблица 1. Определения духовности в отечественной и зарубежной психологии

№п/п	Определения духовности в отечественной психологии	Определения духовности в зарубежной психологии
1	Творческая деятельность по самоосуществлению	Активное стремление к совершенству, постоянному росту и развитию
2	Вторая природа человека	Ответственность и смысл
3	Наличие особых потребностей (быть человеком человечества)	Высшее проявление душевого существа и разума
4	Выход за пределы психического	Зрелость, креативность, самоактуализация. Сокровенная сущность человека
5	Особая деятельность по самопознанию и саморазвитию	Особое восприятие мира, творческое преобразование реальности Особое восприятие мира, творческое преобразование реальности
6	Особый слой сознания, связанный с мировоззрением	Внутреннее ядро, источник и цель развития
7	Знание сущностей	Высшее проявление человеческой души, творческое воображение, интуиция, самоосуществление
8	Актуализация глубинных резервов души и тела	Разум и смысл жизни
9	Осознание себя в тесной связи с окружающими	Умение самостоятельно и ответственно осуществлять познание, адекватно и своевременно, ответственно демонстрировать волю и любовь.
10	Внутренняя свобода	
11	Наличие особых потребностей познания и альтруизма	
12	Общение человека с Абсолютом	

В рамках культурно-антропологического направления духовность определяется как специфическая организация жизненно-важных ценностей, понимается как особое качество бытия, неразрывно связанное с освоением человеком культурных ценностей как интегративное его качество, проявляющееся в творческой деятельности.

В рамках культурно-исторического подхода духовность представлена, прежде всего, с точки зрения ее генезиса и средств достижения. В ряде работ отечественных психологов (Б.С. Братусь [7,8], В. Зинченко [13]) понимание духовности основано на православной антропологии. Оно рассматривается как результат овладения человеком собственной природой при движении к Богу. Большую роль в пути к духовности играет овладение знаком, а само продвижение к духовности опосредовано им. Духовность является приобщенностью к миру идей, ощущением себя как части человечества. Большую роль в понимании духовности играет посредник, соединяющий конкретно-личное и историческое время. Наставник выступает как носитель специфической информации (о духовности), как модель, образец отношений, как организатор специфического взаимодействия, в ходе которого идет осмысление бытийных проблем, отношений к ним, расширение представлений о человеческой жизни, стимулируется самопознанием и саморазмышлением о себе как человеке духовном.

Функционально духовность является отражением идеального и помогает дополнительно ориентироваться в мире [4]. Основные группы функций духовности полнее раскрывают нам не только внешнюю культово-обрядовую сторону религиозной традиции, но и ее содержательно-смысловую нагрузку [22], (см.Таблица 2).

Таблица 2. Функции духовности и ее критерии

№ n/n	Название функции духовности	Критерии
1 группа	Мировоззренческая, регулятивная Рефлексивно-логическая	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем интерес к другим людям приоритетный интерес к основам человеческого Бытия.
2 группа	Самопознание Саморазвитие Самосовершенствование	Эмпатийность, готовность прийти на помощь в любой момент. Активное целенаправленное ориентирование на идеальное.
3 группа	Приобщение к уровню Высшего бытия Заполнение экзистенциальной пустоты Приобщение к образцам культуры	Стремление понять и реализовать свой жизненный потенциал наличие и поиски смысла жизни наличие осознанных представлений о духовности как объективно-субъективной реальности развитие чувство ответственности наличие ценностной позиции по отношению к себе, уверенность в своих силах, активная жизненная позиция оптимистическое восприятие жизни, открытость опыту, терпимость к различным точкам зрения, позитивное отношение к окружающему миру стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов умение использовать любые условия и возможности для развития и самосовершенствования стремление к деятельности, в которой проявляются результаты самопознания и самосовершенствования стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом.

Между тем культурно-историческое направление подчеркивает и придает особое значение способам передачи культуры, а также развития духовности как средства достижения цели человеческой жизни — движения к Богу.

Традиция рассматривать духовное как объективацию продуктов человеческого духа в культуре, искусстве, а саму духовность как наличие эстетических и культурных потребностей является достаточно устойчивой среди психологов еще с советского периода [48, 49]. В последние годы в психологии появилась и другая крайность — рассматривать духовность как религиозность [5].

В поле стратегий научно-религиозных отношений существует и секулярная дисциплина психологии религиозного человека. Она описывает свой предмет в терминах объективных измерений [14]. В отечественной психологии Д.О.Смирнов предложил определять религиозную активность, как интегративное качество субъекта. По его мнению, это сложное, многокомпонентное психологическое образование как мера осуществления субъектом в окружающей действительности трансцендентных, религиозных интенций. Они направлены на осуществление связи субъекта с Теосом и выражены верой в сверхъестественное. Специфические нуминозные переживания, культовые действия и поступки в целом характеризуют поведение субъекта.

Предмет школьной программы «Основы светской этики» по-своему вводит в педагогический процесс обсуждение... литературных персонажей [19].

Проблематика библейских мотивов произведений русской художественной литературы, как и сам их сюжет, привлекал внимание как филологов, так и теологов [20, 46]. В исторической психологии беллетристичность рассматривается как одна из важнейших форм самовыражения индивида [6, 18]. Использование беллетристичного потенциала дает возможность автору превратить свое повествование (нарратив) в литературное произведение, художественно-выразительные средства которого в описании библейского сюжета и его главных персонажей позволяют творчески самопрезентовать себя и свою духовность как качество посредством экзистенциальной интерпретации собственных представлений, удовлетворить свои писательские амбиции. Для некоторых это становится и определенной формой выхода из травмирующих ситуаций. По-другому можно сказать: «великое искусство от великих страданий» [26]. Я нарративность [6], иногда приобретаемая в художественном произведении лишь косвенно-опосредованный библейским зачином характер, растворяется в многообразии описательных характеристик выдуманных персонажей, что дает повод персонифицировать представления о религиозном идеале в нравственных характеристиках личности персонажного модуса сюжетно-жанровой целостности и целенаправленно осуществить самоактуализацию в литературном творчестве [25], (См. Таблица 3).

Таблица 3. Примеры беллетризации библейских сюжетов в русской литературе XIX-XX вв.

№ n/n	ФИО автора	Жанр и название произведения	Персонаж, центральная фигура произведения	Функции духовности, активизируемые, произведением	Критерии духовности
1	Державин Г.Р.	Ода «Бог» Ода «Христос»	Бог, Христос	Рефлексивно-логическая	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем
2	Пушкин А.С.	Стихотворение «Пророк»	Пророк	Мировоззренческая, регулятивная, Рефлексивно-логическая	Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Интерес к другим людям
3	Достоевский Ф.М.	Роман «Идиот»	Князь Мышкин, Настасья Филипповна	Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Эмпатийность, активное целенаправленное ориентирование на идеальное
4	Достоевский Ф.М.	Роман «Братья Карамазовы»	Алеша, Иван, Митя Карамазовы, Старец Зосима, Инквизитор	Мировоззренческая, регулятивная, Приобщение к образцам культуры	Интерес к другим людям, Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом
5	Толстой А.К.	Поэма «Грешница»	Грешница	Мировоззренческая, регулятивная	Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия
6	Толстой А.К.	Стихотворение «Против течения»	Человек с гражданской позицией	Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Эмпатийность, активное целенаправленное ориентирование на идеальное
7	Гоголь Н.В.	«Авторская исповедь»	Сам автор	Рефлексивно-логическая, Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Интерес к другим людям и к основам человеческого Бытия, Эмпатийность, готовность прийти на помощь в любой момент, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное

8	Тургенев И.С.	Рассказ «Христос»	Сам автор	Мировоззренческая регулятивная, Рефлексивно-логическая, Самопознание	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Интерес к другим людям, Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное
9	Лесков Н.С.	Рассказ «Однодум»	Праведник обывденной жизни	Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Активное целенаправленное ориентирование на идеальное
10	Толстой Л.Н.	Книги: «В чем моя вера», «Моя религия»	Христос	Мировоззренческая регулятивная, Рефлексивно-логическая, Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование, Приобщение к уровню Высшего бытия	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Интерес к другим людям, Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное, Наличие и поиски смысла жизни, Наличие осознанных представлений о духовности как объективно- субъективной реальности
11	Толстой Л.Н.	Автобиографическое описание «Исповедь»	Сам автор	Рефлексивно-логическая, Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Эмпатийность, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное
12	Иоанн Кронштадский	Автобиографическое описание «Моя жизнь во Христе»	Сам автор	Мировоззренческая регулятивная, Рефлексивно-логическая	Интерес к другим людям Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем
13	Тютчев Ф.И.	Стихотворения «Наш век» и «Над этой темной толпой»	Сам автор	Рефлексивно-логическая, Приобщение к образцам культуры	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом
14	Некрасов Н.А.	Стихотворение «Пророк»	Пророк	Рефлексивно-логическая, Приобщение к образцам культуры	Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом
15	Мережковский Д.С.	Роман «Христос и Антихрист»	Леонардо да Винчи, Царевич Алексей и Петр I.	Мировоззренческая регулятивная, Приобщение к образцам культуры	Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Оптимистическое восприятие жизни, открытость опыту, терпимость к различным точкам зрения, позитивное отношение к окружающему миру; стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов
16	Блок А.	Поэма «Двенадцать»	Апостолы-революционеры	Мировоззренческая регулятивная, Приобщение к образцам культуры	Интерес к другим людям Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Открытость опыту, терпимость к различным точкам зрения, позитивное отношение к окружающему миру, Стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов
17	Цветаева М.	Стихотворение «Христос»	Сам автор	Мировоззренческая регулятивная, Рефлексивно-логическая, Саморазвитие самосовершенствование, Приобщение к уровню Высшего бытия Заполнение экзистенциальной пустоты, Приобщение к образцам культуры	Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное, Стремление понять и реализовать свой жизненный потенциал Наличие и поиски смысла жизни, Наличие осознанных представлений о духовности как объективно- субъективной реальности, Развитое чувство ответственности Наличие ценностной позиции по отношению к себе
18	Пастернак Б.	Роман «Доктор Живаго»	Доктор Живаго, Христос в комичном сюжете	Самопознание, Саморазвитие, Самосовершенствование	Активное целенаправленное ориентирование на идеальное
19	Гумилев Н.С.	Стихотворение «Слово»	Сам автор	Мировоззренческая регулятивная, Рефлексивно-логическая	Интерес к другим людям Приоритетный интерес к основам человеческого Бытия, Стремление к рефлексии в решении экзистенциальных проблем

20	Набоков В.В.	Стихотворение «Садом шел Христос»	Христос, Его ученики: Иоанн и Матфей	Приобщение к образцам культуры	Открытость опыту, терпимость к различным точкам зрения, позитивное отношение к окружающему миру, Стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов
21	Булгаков М.А.	Роман «Мастер и Маргарита»	Иешуа, Га-Ноцри, Иегемон	Самосовершенствование, Приобщение к образцам культуры	Эмпатийность, Активное целенаправленное ориентирование на идеальное, Стремление выйти из ограниченной сферы житейских проблем и интересов
22	Солженицын А.И.	Рассказ «Пасхальный крестный ход»	народ	Приобщение к образцам культуры	Стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом
23	Бродский И.А.	Стихотворение «В деревне Он живет не по углам»	Бог	Приобщение к образцам культуры	Стремление понять окружающий мир, наделив его смыслом

В России противоречивое время XVIII века послужило предпосылкой серебряного века русской культуры, пронизанной гуманизмом.

На рубеже XVIII — XIX веков произведения Г. Р. Державина ода «Бог» и ода «Христос» озаменовали актуальность проблемы самосознания в свете христианского мировоззрения. Оба произведения издавались с одной только разницей, что ода «Христос» не печаталась сто двадцать лет, тогда как оду «Бог» можно найти в любом собрании сочинений поэта. В словах автора о Христе чувствуется рефлексивное молитвенное самозабвение: «...Предвечный Сын!...Пролей Свои, Христе красы на дух, на сердце и на нравы, и жить во мне не преставай; А ежели и уклонюсь с очей Твоих, и затемнюсь, в слезах моих вновь воссияй! Услышь меня, о Бог любви!...» [33]. Ученик Г.Р.Державина А.С.Пушкин в стихотворении «Пророк», оставляя Личность Иисуса Христа в стороне, отождествляет себя более с пророком: «И Бога глас ко мне воззвал: востань пророк и виждь, и внемли,...» [27].

Вспоминая произведения XIX века, романы И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, становится ясно, что за художественными образами христологическая тема, создавая фон, преобразует проблематику достоинства личности и ее роли в общей массе сюжетосложения. Лишь не многие из них, упоминая имя Иисуса Христа, подробнее останавливаются на его личности как средоточии основного замысла повествования. Образ Христа внутренне стоит в центре творчества Ф. М. Достоевского. Среди его бумаг, дневников есть запись: «Написать роман об Иисусе Христе». Роман он не написал, но можно сказать, что всю жизнь он его писал. Достоевский пытался воссоздать образ Христа в обстановке современности — это роман «Идиот». В литературе мысль изобразить Христа перед обществом наиболее полно воплотилась именно в этом романе. Это образ таинственного князя, который приходит в мир. В его присутствии людям становится отраднее, легче. Им не хочется делать зла и причинять друг другу боль. Евангельский смысл обращения Иисуса «будьте как дети» сумел раскрыть Достоевский в князе Мышкине: открытость, чистоту, простоту, искренность, без намека на глупость, сердце, отзывавшееся на чужую боль и даже на чужой стыд. Утонченно автор рисует в современном сюжетном оформлении евангельскую встречу Иисуса с Марией Магдалиной или князя Мышкина с Настасьей Филипповной, осуждаемой всеми и циничной по отношению ко всем [28]. В «Братьях Карамазовых» автор в диалоге братьев раскрывает тайну богоискательства — Ивана как личности, ищущей понимания Бога, и личности Мити, уже сделавшей свой религиозный выбор. В монологе Инквизитора ощущается подлинность образа Христа именно в его сдержанности. Не сказал ни единого слова, как и тогда в евангельском сюжете, стоя перед Пилатом. Так же как Алеша Карамазов не возражал своему брату, так Христос не возражает безумствующему перед Ним старику-инквизитору [33].

К 60-м годам XIX века при правлении императора Александра II, великого реформатора в политической и экономической жизни, в России были введены новые законы, в результате чего сила свободного интеллекта принесла достойное наследие [45]. Поэма А.К. Толстого «Трешница» частично дублирует евангельский сюжет встречи Иисуса с Магдалиной, в которой один лишь выразительный взгляд Христа смог остановить нравственную распущенность женщины. Свою гражданскую позицию А.К.Толстой отражает в известном стихотворении «Против течения», которое связывает со свойственной его эпохе борьбой утилитаристов против искусства, литературы, призывающих писать только на практические гражданские темы, как бы восклицаящим вслед Христу и его ученикам: «Им ли, убогим, идти галлеянам против течения?» [30]. Н.В. Гоголь в юности мечтал о подвижничестве, его идеалом были канонические деяния апостолов. В «Авторской исповеди» он пишет о трансцендентности и недозащемности понимания Иисуса: «...почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека и что еще никто из душезатей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» [20].

Рассказ И.С. Тургенева «Христос» написан в 1878 году. Мысль о Христе, лицо которого похоже на все человеческие лица, проходящая через произведение, может быть соотнесена с выражением «Сын человеческий», которое в Ветхом Завете очень часто применяется как родовый признак человека вообще, а в Новом Завете относится к Иисусу Христу (в форме «Сын Человеческий»); знаменателен также эпизод из Евангелия от Луки: ученики Иисуса, шедшие в Эммаус, не узнали воскресшего учителя, когда Он появился среди них. Автор соотносит себя с героем рассказа, который стоит в храме, в толпе, и вдруг остро ощущает, что рядом с ним стоит Христос. Он поворачивается и видит человека: борода, простое, обычное лицо и одежда. На собственное удивление: «Не может быть...!» автор сам и отвечает: «А почему же я сомневался? Ведь, может быть, действительно, Он должен выглядеть так, как все. Без помпы, без декоративных украшений. Простой и незаметный, как все» [33].

Евангельские сюжеты с богочеловеческими персонажами представлены в литературном наследии Н.С. Лескова. Центральное место занимают произведения, посвященные изображению положительных характеров, в которых видна опора народной нравственности. Рассказ «Однодум» был опубликован в 1879 году как первый из цикла «Русские антики» и имел подзаголовок «Три праведника» [35]. Писатель ценил древнерусские жития, полагал, что для современной ему литературы они могут служить примером простой духовной красоты, близкой обывденной жизни. Лесков, вполне по Евангелию, ищет святого в грешнике.

Лев Толстой в начале своего творческого пути, уклоняясь от всякой формы интерпретаций евангельских текстов, придерживался каноничности и, преподавая в школе, писал, что не надо детям пересказывать Библию, а читать ее такой, как она есть. В книгах «В чем моя вера?» и «Моя Религия» Христос для автора, в первую очередь, педагог: «Учение Христа имеет общечеловеческий смысл. Учение Христа имеет самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. Этот смысл можно выразить так: Христос учит людей не делать глупостей» [31].

Молокане своим названием подчеркивали протест относительно формального проведения поста, не имеющего под собой четко сформулированного богословского обоснования. Свою позицию они подтверждали тем, что в течение Поста, установленного Православной Церковью, пили молоко, ели молочную пищу, которая в это время запрещается для употребления. Практика добрых дел и требование добродетели были главным принципом их личностной позиции [45, 10]. В 1892 году, когда дети сектантов молокан были отобраны у своих родителей и силой отправлены в монастырь, писатель граф Лев Толстой написал открытое письмо об этом в адрес высших властей. Цель, которую преследовал Синод, была изолировать религиозно инакомыслящих от православного населения. Имелся также закон, запрещающий сектантам рассуждать на религиозные темы, несоответствующие доктринам Православной церкви. Виновные в этом и те, кто изменял свои религиозные убеждения под влиянием каких-либо дискуссий, были сосланы в Сибирь и на Кавказ. Только в конце XX в. с приходом М.С. Горбачева к власти жители некоторых деревень молокан смогли вернуться в Россию из Закавказских республик. Л. Толстому трудно совместить религиозное просвещение с обывденным религиозным сознанием, порождающим религиозное свободомыслие. «Не каждый способен, — говорил автор в своей книге «Моя Религия», — понять тайны догматики..., патристики..., литургики..., но каждый способен и

должен понять то, что Христос сказал миллионам простых и неосведомленных людей, которые жили, и кто живет сегодня...» [31, 46]

К 1881 г. правительство Александра II подготовило закон, который должен был гарантировать религиозную свободу инакомыслящим. Этот закон намечалось провозгласить как часть тщательно подготовленной Конституции. Но убийство императора 1 марта того года сделало публикацию невозможной. Александр III возвестил в своем манифесте намерение даровать свободу совести, которую предполагал ввести его отец. Между тем влияние такого реакционного человека как Победоносцева и других препятствовали ему осуществить это. Конституция никогда не была утверждена. Князь Меликов, который был премьер-министром и автором конституции, был смещен. Отделение от Православной церкви рассматривалось, как незаконный акт и сектанты были лишены многих прав, включая получение документов, удостоверяющих личность, обучение детей в школах и даже права быть захороненными [45, 10]. В «Исповеди» Л. Толстой представляет автобиографическое описание всех трудностей своих религиозных поисков. Сделав шаг в сторону рационального знания о Боге, рассматривая моральный аспект и при этом, исключая мистический, Л. Толстой, по словам Булгакова, в эпоху духовного кризиса всколыхнул совесть общества, но вызвал недовольство церковных властей. Писатель признавался в ограниченности знаний психологии и ее противоречивости для ответов на вопросы о смысле жизни: «Если обратишься к той отрасли этих знаний, которые пытаются давать решения на вопросы жизни, — к физиологии, психологии, биологии, социологии, — то тут встречаешь поражающую бедность мысли, величайшую неясность... и беспрестанные противоречия одного мыслителя с другими и даже с самим собою» [31].

Гуманистическая фаза Евангельской наррадиомы [25] отражает попытки автора собеседовать со своим персонажем, имеющим нравственные устои и высокие принципы. Православный писатель и Святой Чудотворец Иоанн Кронштадский в своем труде «Моя жизнь во Христе» видит в Иисусе Христе учителя: «Открыл Ты мне всю истину и правду Твою. И через образование меня науками открыл Ты мне все богатство природы и разума человеческого от части, познал я великую науку самопознания и приближения к Тебе» [36].

Ф.И. Тютчев в стихотворении «Наш век» (1851г.) и «Над этой темною толпою» (1857) повторяет тему духовного кризиса, своей беспомощности и экзистенциального дискомфорта: «Впусти меня! — Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!...»; «Растленые души и пустота. Кто их излечит, кто прикроет? Ты, риза чистая Христа...» [37].

Н.А. Некрасов, приводя пример пророка («Пророк» 1874), соглашается с тем, что способность жертвовать является показателем нравственного самосознания личности: «Не хуже нас он видит невозможность служить добру, не жертвуя собой, но любит он возвышенной и шире. В его душе нет помыслов мирских... Его послал Бог гнева и печали рабам земли напомнить о Христе» [21]. Молитвенное обращение в экзистенциальном порыве находит свое отражение в поэзии Н. Языкова (1825), М.Ю. Лермонтова (1837), А.А. Фета (1840-1892 гг.), Н.В. Гоголя, А.К. Толстого (1858), И.С. Никитина (1851), Я.П. Полонского (1855 и 1860гг.), И.П. Мятлева (1843г.), К.К. Романова (1886), Е. Баратынского, А.В. Кольцова (1836), Н. Огарева (1838), Ф.Тютчева (1850), Н. Гумилева (1910), А. Ахматовой и др. Прямая беллетризация Иисуса прослеживается у немногих. В частности, С.Я. Надсон старается отделить социальный статус, приписываемый Иисусу иудеями, от его психологических переживаний, носящих универсальный характер, присущих ему, так же как и любому человеку: «Меня влечет к себе иное обаяние — Не власти царственной, но пытки и креста. Мой Бог — Бог страждущих, Бог, обгащенный кровью, Бог-человек и брат с небесною душой...» [21].

На рубеже XIX-XX веков Д.С. Мережковский определяет роль русской литературы в развитии богословия. На «Религиозно-философские» собраниях в Петербурге в 1901-1903 гг. он говорит о «христианском возрождении в русской литературе» [45]. Крупная беллетристическая трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» (1896-1905) прозвучала как предчувствие и предсказание мятежных времен. Идея непрерывной связи культуры с библейскими смыслами приобрела трагическое значение аналогично первым векам гонений христианства. Обращение к Библии приобрели явственный оттенок подвижничества. Благодаря собраниям, проходившим в зале Географического общества в течение года (до 5.04.1903 г.), интеллигенция убедилась: «что богословы и духовенство — это не сборище мракобесов». Представители Церкви увидели в светском обществе людей, живо заинтересованных духовными проблемами, способных на диалог» [45]. Главным героем романа Д.С. Мережковского, Леонардо да Винчи («Воскресшие Боги») рисуется автором по образцу некой абстрактной модели, которую он вычитал у Ницше. Леонардо да Винчи — человек, живущий по ту сторону добра и зла. Гуманистические мотивы автора очевидны в стремлении поднять проблему достоинства личности в контексте христианских общечеловеческих ценностей.

Богословско-философские размышления сопровождают повествование романа «Антихрист». Автор в отношениях отца с сыном сталкивает два религиозных мировоззрения — мистического старообрядческого и рационального реформаторского. Царевич Алексей фигурирует как носитель веры. Его отец Петр I — реформатор. В беседе с Лейбницем Алексей явно противопоставляет мистическую религиозность рациональной мысли Запада и на его вопрос: «Почему у вас в России все так неблагоприятно?» отвечает явно противоречиво: «Ну да, мы голье, пьяные, нищие, но в нас — Христос». Вторая проблема, затрагиваемая автором в романе, впоследствии уродливо укоренилась в атеистической безбожной идеологии советских времен. Петр I уничтожает своего сына, который в момент предсмертной агонии проклинает своего отца. Культивирование во имя великой идеи — строительства коммунизма отречения от своих родителей и детей (нарушение заветов почитания отца и матери) впоследствии отразилось в стремлении создать «в неагностических целях» образ «героя» Павлика Морозова. Книга Мережковского, вызвавшая довольно широкий отклик на Западе, — «Иисус Незавестный» — большая двухтомная книга о жизни Христа и о Его личности для нашей работы не была обнаружена в библиотечном фонде.

Глубокие религиозно-философские рассуждения философа В. Соловьева произвели неизгладимое впечатление на молодого А. Блока. В смутном беспокойном предчувствии автор в поэме «Двенадцать» выплещивает в текст свое негодование или непонимание ценности, декларируемых революцией. Кто для него эти двенадцать? Апостолов? Революционеров, которых ведет совсем не Евангельский Христос — псевдо Христос: «...И идут без имени святого все двенадцать — вдаль. Ко всему готовы, ничего не жаль... Впереди с кровавым флагом и за вьюгой неведим... в белом венчике из роз впереди Иисус Христос» [41]. Интерпретацию Блока можно назвать либеральной: все равно впереди — добро, Христос — борец за справедливость. В это верил сам автор, когда революционные преобразования дали о себе знать.

С. Бехтеев в поэтической форме поддерживает дочерей Николая II (1917) перед смертной казнью, настраивая на молитвенное обращение к Христу: «Терпеть позор и униженья, Христос, Спаситель, помоги!... Вдохни в уста Твоих рабов. Нечеловеческие силы молиться кротко за врагов!» [39].

М. Цветаева в стихотворении «Христос» обращается к Христу как Богу и как собеседнику, имеющему моральные и нравственные устои: «Христос и Бог, я жажду чуда... Теперь сейчас в начале дня... О дай мне умереть, покуда вся жизнь, как книга, для меня. Ты мудрый, Ты не скажешь строго...». В другом ее стихотворении факт противоречия между религиозным сознанием и общественной идеологией очевиден в самом изложении: «Дай понять мне, Христос, что не все только тени. Дай не тень мне обнять, наконец!» [42].

Б. Пастернак в «Докторе Живаго» создает персонаж русского интеллигента, находящегося в состоянии духовных исканий, накал которых создает смена идеологии накануне революции и после нее. Именно поэтому писатель посвятил строки описанию явления Христа в несколько комичном сюжете давки греческих богов в три этажа, но при этом выделяя его персоналогический статус — личность, которая появилась и стала в центре нового формирующегося с приходом христианства, мировоззрения: «...пришел Он и началась частная жизнь в космическом цикле...» [29]. Сюжеты евангельских стихов, которые вложены в уста Живаго, навеяны шекспировским Гамлетом в сочетании с Иисусовой молитвой в Гефсиманском саду перед казнью и его человеческими страданиями: «Если только можно, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси». Смело поэт говорит от имени самого Иисуса Христа, пророчествующего свое воскресенье: «Я в гроб сойду и в третий день восстану...». Иисус Христос как символ безграничной и жертвенной любви предстает в поэзии Б. Пастернака 1949 года: «...Слишком многим руки для объятия Ты раскинешь по концам креста» [29].

В своем стихотворении «Слово» Н.С. Гумилев с горечью говорит о забвении евангельских истин апостола Иоанна в страшной реальности сталинских репрессий: «Но забыли мы, что осиянно только слово средь земных тревог, и в Евангелие от Иоанна сказано, что слово это Бог...» [47].

Творения В.В. Набокова (1899 — 1977) являются словесным аналогом театрализации или экранизации библейских мотивов, талантливой настолью, что создают впечатление сиюминутного присутствия и достоверности. Используемые нами стихи относятся ко времени молодости автора. Набоков изображает Иисуса в вымышленном сюжете, открывающем такие противоречия в человеке, как чувство отвращения, безразличия, безразличности одновременно с желанием справедливости, и в сравнении с ними Иисуса Христа и его умение замечать прежде хорошее независимо от обстоятельств и в это вкладывать главную гуманистическую ценность прощения: «Садом шел Христос с учениками... песий труп лежал невдалеке... Труп гниющий, трескаясь, раздулся... Иоанн, как дева, отвернулся, сгорбленный поморщился Матфей. Говорил апостолу апостол: «Злой был пес, и смерть его нага, мерзостна... Христос же молвил просто... «Зубы у него, как жемчуга...»

[43]. Стихотворение было посвящено смерти Ф. Достоевского, уход из жизни которого показал неоднозначное общественное мнение как к самому писателю, так и его творчеству. Возможно сравнить его с образом князя Мышкина из «Идиота», которому свойственно замечать и ценить красоту среди житейской грязи.

К роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», написанному в первой половине XX века, на сегодняшний день проявляется особый интерес. Во второй главе «Понтий Пилат» автор не следует строго ни за одним из источников, которые освещают жизнь Иисуса Христа, т.е. ни за каноническими, ни за апокрифическими Евангелиями, ни за материалами исторических исследований. Он больше гуманист и, рисуя Иисуса в диалоге с Пилатом, выделяет в нем такие личностные качества, как способность к эмпатийному сопереживанию: «Истина... в том, что у тебя болит голова, и... так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти... Я советовал бы тебе... погулять пешком... в садах...». Имя же Иегемон, которым обращается Иисус к Пилату, созвучно Апокрифу Никодима.

Идея праведности и подвижничества свойственна всему творчеству А.И. Солженицына. Проблема мнимой религиозности в рассказе «Пасхальный крестный ход» (1966) может показаться несколько не устаревшей и в наши дни.

Образ персонафицированного Бога представлен в рассказе В. М. Шукшина (1929 — 1974) «Мастер», где исторически точно обозначен некий сдвиг в народном сознании — поворот поколения, воспитанного в примитивном идолопоклонстве под именем научного атеизма, к осознанию традиций народной культуры и своей причастности к ее христианским корням...» [17].

Творчество И.А. Бродского в XX веке связано, так или иначе, с библейским миром по причине осознания молодым поэтом необходимости соотношения культуры с христианской идеей. В стихотворении запечатлено явление обыденное и прекрасное. Бог, так старательно и свирепо изгонявшийся из народной жизни более полувека, прошел через гонения, словно и не заметив их. В деревне Он «живет не по углам, как думают насмешники, а всюду...». Стихотворение заканчивается в духе философской самоиронии эпохи: «Возможность же все это наблюдать, к осеннему прислушиваясь свисту, единственная, в общем, благодать, доступная в деревне атеисту» [21]. Бог присутствует во всех сферах деревенской жизни, отличается деловыми качествами: приготовление каши его забавляет и он достаточно прост в пределах суверенного обыденного религиозного сознания того времени.

Воля нации к жизни не только требует верности духовным ценностям национального культурного наследия, но и непосредственно формирует их. Поэтому она должна заставить сторонников традиции привести эти ценности в соответствие с условиями новой реальности. Использование сетки определений и функций духовности в сочетании с некоторыми формами стратегий научно-религиозного взаимодействия в контексте исторической психологии формирует в педагогическом процессе ряд ярких образов положительно нравственного идеала, воспитывая духовность, стремление к совершенству и формирование особого отношения к другому человеку как ценности.

References:

1. Biblija, Minsk: tipografija «Printkorp», 2006;
2. Il'icheva I.M. Psihologija duhovnosti: Dis.: dok.psih.nauk. SPb., 2003;
3. Pupar P. Cerkov' i kul'tura, Milan-Moskva: Izd-vo «Hristianskaja Rossija», 1993;
4. Koval' N.A. «Duhovnost' v sisteme professional'nogo stanovlenija specialista»; M.; avtoref. dis. dokt. psihol. Nauk; 1997;
5. Sokolov Je.V. Kul'tura i lichnost', L.: Izd-vo «Nauka», 1972;
6. Eremeev Ja.M. Ja narrativ [Tekst] / Ja.M. Eremeev. Rostov n/D, 2004;
7. Bratus' B.S. Nachalo hristianskoj psihologii // www.hpsy.ru/script/golink.php;
8. Bratus' B.S. Hristianskaja i svetskaja psihoterapija // Moskovskij psihoterapevtičeskij zhurnal. 1997. № 4. <http://dusha—orthodox.ru>;
9. Suvorov A.V. Chelovečnost' kak faktor samorazvitiya lichnosti; Avtoreferat diss. na soisk. uch. st. dok psih. nauk; M., 1996;
10. Pecherskaja N.M. Religija i politika: teologija ili ideologija/Rossijskij akademičeskij zhurnal. The Russian Academic Journal №4 tom 26, oktjabr-dekabr' 2013, Rostov n/D: izd-vo ANO VPO NII «IPMI», 2013;
11. Bratus' B.S. Psihologija, Nравstvennost', Kul'tura. M.: Rospedagentstvo, 1994;
12. Bratus' B.S. Nравstvennoe soznanie lichnosti: psihologičeskoe issledovanie. — M.: Znanie, 1985;
13. Zinchenko A. I. «Psihologija duhovnosti», M., izd. — vo Transpersonal'nogo instituta, 1996;
14. Pecherskaja N.M. Istorija psihologii v svete nauchno-religioznych sopostavlenij /Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Stroitel'stvo — 2008», Rostov n/D: Redakcionno-izdatel'skij centr Rostovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta, 2008;
15. Pecherskaja N.M. Smezhnye temy: psihologija i bogoslovie/Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Stroitel'stvo—2010», Rostov na/D: redakcionno-izdatel'skij centr Rostovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta, 2010;
16. Men' A. Syn Chelovečeskij, M.: Protestant, 1991;
17. Men' A. Istorija religii, M.: Protestant 1993;
18. Shkuratov V.A. «Istoričeskaja psihologija», izd. «Gorod N», Rostov na Donu, 1994;
19. Osnovy svetskoj jetiki 4-5 klassy. Učebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij, M.: «Prosveshhenie», 2012;
20. Men' A. // <http://www.alexandmen>;
21. Biblija i russkaja literatura: hrestomatija/ Serija «Shkol'naja biblioteka», avtor-sostavitel' M. G. Kachurin; — SPb.: «Karavella», 1995;
22. Pecherskaja N.M. Biblejskaja narradigma obraza Ja / Nauchnaja mysl'. Sbornik nauchnyh statej, Vypusk 2, Rostov n/D: KMC «KOPICENTR», 2005;
23. Programma «Chto delat'» //kanal GTRK Kul'tura 6.04.2014;
24. Rabochaja programma «Psihologija i social'noe vzaimodejstvie» // sostavlena Pecherskoj N.M., Rostov n/D: Rgsu, kafedra «Kul'turologija», 2011;
25. Pecherskaja N.M. Biblejskaja narradigma // Nauchnaja mysl'. Sbornik nauchnyh statej Vypusk 2, Rostov na/D: KMC «KOPICENTR», 2005;
26. Anninskij L. Programma «Glavnaja rol'» GTRK Kul'tura, 7.04.2014g;
27. Pushkin A. S. Poli. sobr. soch. v 10-ti tt. Tt. 2, 3;
28. Dostoevskij F. M. Sobr. soch. v 15-ti tt. T. 9., s. 262;
29. Pasternak B.L. Doktor Zhivago. Sobranie sočinenij v pjati tomah, t.1, M.: Hudožestvennaja literatura 1990;
30. Tolstoj A.K. 1858g. / <http://www.litera.ru/stixiya/authors/tolstoj/all.html>;
31. Tolstoj L. N. Sobr. soch. v 14-ti tt.;
32. Bulgakov M. A. Sobr. soch. v 5-ti tt. M., Hud. lit., 1992;
33. Biblija i russkaja literatura: hrestomatija/ Serija «Shkol'naja biblioteka», avtor-sostavitel' M. G. Kachurin; — SPb.: «Karavella», 1995;
34. Lermontov M.Ju. / <http://www.uucyc.ru/verses/item/534>;
35. Leskov N. S. Odnodum Sobr. soch. v 6-ti tt. M., 1993. T. 6., s. 290;
36. Ioann Kronshtadskij «Moja zhizn' vo Hriste ili minuty duhovnogo otrezvenija i sozercanija, blagogovojnogo čuvstva, dushev'nogo ispravlenija i pokoja v Boge «v 2-h tomah, SPb.: Tipografija V. Erofeeva, 1893;
37. Tjutčev F. / <http://www.litera.ru/stixiya/authors/tyutchev/poshli-gospod-svoyu.html>;
38. Merezhkovskij D.S. Sobranie sočinenij, v 4 tomah, M.: Pravda, 1990;
39. Behteev S. «Molitva», g. Elec, Oktjabr' 1917/<http://pesni.voskres.ru/poems/behte02.htm>;
40. Volgin I. Poslednij god Dostoevskogo: istoričeskie zapiski. M.: Sovetskij pisatel', 1991;
41. Blok A. Izbrannye proizvedenija A. L.: Lenizdat 1970, s. 498-499;
42. Cvetaeva M., Moskva, «Osen'» /1910g/<http://www.crea.ru/evetaeva/versarchiv/19-2.html>;
43. Nabokov V.V. / Biblija i russkaja literatura: hrestomatija/ Serija «Shkol'naja biblioteka», avtor-sostavitel' M. G. Kachurin; — SPb.: «Karavella», 1995;
44. Solženicyn A. I. Izbrannye proizvedenija. — Perm': Kn. izd-vo, 1991, s. 522;
45. Pypin A.N. Religioznye dvizenija pri Aleksandre I. Serija // Pushkinskaja biblioteka, SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademičeskij proekt» 2000, s. 6;
46. Priest P. Excerpts from Russian «Spiritual Writings for discussion and Devotions Draft Edition», 2004;
47. Gumilev N. do 1910 / <http://www.litera.ru/stixiya/authors/gumilev/all.html>;
48. Kuz'mina N.V. «Professionalizm dejatel'nosti prepodavatelja i mastera proizvodstvennogo obuchenija SPTU»; izd-vo LGU; 1988;
49. Dergach A.A. Kuz'mina N.V. «Akmeologija: puti dostizhenija veršin professionalizma»; M.; 1993.